

Светлана Леонтьевна Старовойтова,
учитель русского языка и литературы МБОУ
«Гимназия № 25» г. Кемерово

Детство – Дедюево – стихи Виктора Баянова

Моя бабушка была жительницей деревни Дедюево Топкинского района Кемеровской области. Из детских впечатлений отчетливо помню поражающее изобилие дедюевской земли, как будто она щедро дарила всякого, кто решался обрести свой дом и оседлость в далеком от железнодорожного полотна, приглушенном месте, спрятанном за распаханными полями, сосняком и березняком, низинкой с всегда препятствующим ручейком и трудным в подъем взгорком, с которого открывался панорамный вид на деревню. Здесь были самые ягодные и грибные места: клубнику можно было собирать, не сходя с места, черемуху носили ведрами, только грузди и волнушки шли в ход – других грибов местные не признавали. Нежные цветы кукушкиных слезок, поляны лесных ароматных незабудок, полыхающие волны огоньков и изящная роскошь одиночных «граммофончиков» саранок, чьи сладковатые корни мне тоже довелось попробовать, желтая лесная красавица стародубка и алые бусины костяники – все это великолепие живой природы потрясло мое детское воображение и запомнилось как самое яркое впечатление от дедюевских просторов.

В стихах Виктора Баянова говорится о неизменной щедрости природы малой родины. И здесь изумляет роскошь даже не предметного мира, а души природы, разворачивающейся в множестве самых неожиданных песен:

У черемухи за пазухой

Сто песен для меня.

Да, запас этот бесконечен. Как необозрим, расширяясь по горизонтали и вертикали, простор родного мира:

Улетают песни с кручи,

Зажигая, веселя:

Жаворонками под тучи,

Перепелками – в поля.

Соборное существование исконной русской деревни предполагает общий труд, который имеет одну, может быть, неожиданную для современного читателя причину – «утоление души». Так автор обозначает удивительную картину заготовки веников, где бытовое, в общем-то, дело превращается в «лесной праздник». Щедрость леса, его желание дать людям сполна то, что им необходимо долгой зимой как исцеление от напастей телесных и душевных, – березовый веник, автор подчеркивает аллитерацией, роднящей фразу со звонкой русской поговоркой:

Столько навязали –

Хоть вози возами.

Не случайно в другом стихотворении поэт обозначит эту же щедрость метафорой: «полянка-самобранка», отсылая нас к фольклорному образу волшебного предмета – скатерти-самобранки, в которой воплощена мечта крестьянина о неожиданно легком получении того, что всегда ему доставалось тяжким трудом. Здесь же среди «глухих чащоб» полянка «кормит сараной», вдохновляет, дарит надежду, что голодное военное время не вечно, напоминает, что даже в годы великой беды нельзя забывать о красоте и щедрости природы – такая в ней сила исцеления души, такая в ней надежда на продолжение жизни. Для лирического героя полянка стала местом душевного успокоения и прозрения:

Она мне выжить помогла.

Она мне дальше жить поможет.

Так и начинается любовь к малой родине («С моей родною стороной / Ещё сильней меня сроднила»), которая становится большой нравственной основой для человека.

В стихотворении «По малину за селенье...» перед читателем распахивается природа настоящей сибирской глухой тайги. Это не

дедюевский смешанный лес, но ощущение радости и полноты бытия то же, что и при сборе ягод в родной для поэта деревне:

Вот уж новая корзинка –

Тяжела,

тяжела.

.....

Я прилег, как будто в доме,

Под развесистой сосной.

Тайга для проводницы в лесные владения шорки Марины – «мой кров», «мой дом». Но таким же родным, обжитым предками пространством станет она и для лирического героя, в первое время чувствующего себя в таежной стране «медведем», неловко пробирающимся по тропам, но обретающего с каждым шагом уверенность в благодущии и щедрости тайги.

Если летний пейзаж связан с образами природных даров, которыми малая родина наделяет каждого, то зимний пейзаж тоже обозначен обилием, но другого характера – обилием снега, которым славятся русские просторы зимой. Помню, в Дедюево сугробы наметало такие, что дорожки к бане и стайкам больше были похожи на глубокие траншеи или снежные дворцы, как мне казалось в далеком детстве. Поэт, обращаясь к мотиву памяти, говорит об этом в поэме «На родине»:

Зима.

Сугробы – не откроешь сенки.

Морозный скрип.

В избе – тепло и хмарь.

Изба становится средоточием тепла, жизни, незыблемости миропорядка, какие бы снежные бури не потрясали время и пространство. Как в рассказе В.П.Астафьева «Фотография, на которой меня нет», в стихотворении Виктора Баянова «Зима, как прежде, удивила...» повторяется привычная для деревенского мальчишки зимой ситуация: при невозможности в стужу выйти из дома остается одно развлечение – смотреть в окно. Суровая зима дарит

героям радость соприкосновения с таинственным миром за пределами родной избы:

Протаяв дырочку дыханьем,
Стою, смотрю через стекло...

Открывающийся вид не пленяет воображение и не потрясает своей новизной: «потемневшие стога», «белые до боли,/ Мир полонившие снега» знакомы герою, привычны для него, но «светлый зимний вид» рождает чувство удивления бесконечной гармонией природы, способной даже в снежном, будто мертвенном плену олицетворять жизнь и дарить праздник нового дня. Это чувство поэт пронесет через годы: уже будучи взрослым, по детской памяти он будет вытапливать «дырочку дыханьем», чтобы взглянуть на этот мир и удивиться его первозданной красоте.

Способность воспринимать красоту природы, ценить мир и живущих рядом с тобой людей, на мой взгляд, тоже связана со щедростью малой родины – земли бесконечно обильной для тех, кто умеет работать, кто наполнен задушевым теплом, мудростью, открытостью так же, как и природа вокруг. В стихотворении «Он встречал нас ворчливо. – У, ягнята...» возникает образ дедушки Игната – «волшебного» старика с горькой, конечно, судьбой («На всей земле... далекой даже не было родни...»), но с прекрасной, щедрой душой и талантом настоящего мастера:

К земной красе невыразимо чуток,
Да и свое придумывать мастак,
Все лето он из прутьев делал чудо
И по деревне раздавал за так.

Однако сотворенные из простой гибкой лозины подарки-корзинки дедушка Игнат дарит не бездумно, не со стариковской чудаковатостью, а с присловьем, в котором заключен принцип выбора: «Прими подарок, добрая душа». Нравственный урок из этого детского воспоминания выносит поэт как возможность самой верной оценки себя самого и творчества:

Я жду и жду, но нету никого.

Признаться, мне подарка и не надо,

А только б знать – достоин ли его.

Сердечная открытость деревенских жителей, простота и наивность, душевная красота и отзывчивость не раз проявлялись в героях шукшинских рассказов о «чудиках». В поэзии Виктора Баянова эти черты отразились не только в образах земляков, жителей деревни Дедюево (например, героев поэмы «На родине» Натальи и Кузьмы), но и в образе лирического героя, говорящего от лица самого поэта в стихотворении «Ах, что со мною, что со мною?..»

Формула «несовременного» человека, вызывающего осуждение и насмешки окружающих, – «святая простота». Словосочетание это даже в толковом словаре дается как определение наивного, простоватого человека; чувствуется в этой формулировке некая снисходительная, покровительственная оценка тех, кто в процессе постижения жизни освободил себя от этого качества. Именно они, избавившиеся от простоты, уничтожившие в себе это незатейливое свойство, оказываются способны на насмешки за спиной, на язвительные слова, которые «бьют, как нож». Поэт же, идущий своим путем «к заветным вехам», с горечью утверждает:

Я не шумлю, я не лютую.

А в думах трудное, свое –

Не как убить ее, святую,

А как бы сохранить ее.

«Главная черта баяновского таланта – это, на мой взгляд, задушевность. Я не знаю у него ни одного стихотворения, которое бы родилось из какой-нибудь невыстраданной, но эффектной мысли, ради искусственного образа или соблазнительного поэтического приема. Лучшие стихи Баянова – это свидетельства его личного опыта. Именно поэтому его поэзия так лирична, так привлекательна своей неподдельностью, подлинностью мыслей и чувств», – писал о творчестве кузбасского поэта Михаил Небогатов, тоже кузбасский поэт, природный талант которого позволяет отнести к данной оценке с полным доверием. Жившие в одну эпоху и пришедшие в литературу

по зову души, они писали просто и о простом, но такими строками, что ложатся в памяти «милым узором», как определил этот созидательный союз творчества и души человека поэт О.Мандельштам.

Потому так узнаваема картина в стихотворении «У станции цветов – каких угодно...»: щедрая земля дарит человеку «красу земную» – цветы, и этот щедрый дар рождает в нем ответную душевную щедрость даже к незнакомому человеку – чувство сопереживания к женщине, в чьих глазах виден внутренний «робкий и тревожный свет», отражающий ее состояние ожидания дальней дороги и связанных с ней переживаний.

Переживая вместе со своей землей непростые послевоенные годы, лирический герой в стихотворении «Я слушать никогда не уставал...» так определяет положение всякого деревенского жителя: «Жилось тревожно, сиротно и вдово». И тогда скупая на радости жизнь деревенских мужиков наполнялась душевным теплом рассказов и воспоминаний в теплой компании, и самыми благодарными слушателями становились мальчишки, чье бескрайнее воображение дорисовывало то, что, может быть, не в силах был высказать неопытный рассказчик. Автору важно открыть читателю тайну незатейливых слов простого мужика: среди них были слова, сияющие весною, были тяжелые слова о войне и разлуках, было много горькой правды, но отмечает герой как важное качество выбора слов для беседы:

Я только о родной своей земле

Ни разу слова не слышал худого.

Уважение к своей земле, любовь к родному дому, бережное отношение к слову – все это открывает читателю благородство души крестьянина. В воображении мальчишки, слушающего рассказы земляков, возникают яркие картинки интересных событий, в сознании – твердо укрепляется мысль о том, что тяжелый быт деревенских жителей, родных не по крови, а по роду людей, можно облегчить, стоит только «мно-ого людям сделать добра» (образ мальчишки в поэме «На родине»). И тогда нелегкая жизнь станет милой, а

над скупой землей поднимет и понесет тебя, как на крыльях, чувство любви к людям и к своей земле.

Как удивительно точно отразил Виктор Баянов глубинные особенности образов и судеб людей в стихотворении «Река и озеро», наполняя его вовсе не пейзажными наблюдениями, а обобщающим философским содержанием.

Река привлекает внимание всякого своим непростым характером:

Издалика казалась сложной,

Глубоководною рекой.

Была сварливой, неудобной,

Разбрасывала пену зло.

Она вся в движении, которое притягивает к себе: поток бежит, свивается, свергается, пробивается. Динамичное это движение так напоминает современного городского жителя, стремительно проживающего свои дни в движении, в скорости, в суете по мелким и крупным поводам. Действительно, кажется, что в этой динамике и есть смысл жизни, и сама такая жизнь вызывает желание наблюдать за ней с восхищением:

И все лишь ею любовались.

А тихим озером – никто.

Тихое озеро не похоже на реку: оно покойно лежит, отражая красоту природы. Не так ли и исконное крестьянство на Руси, воплощенное в образах «чудиков» в рассказах В.М.Шукшина и «старух» в повестях В.Г.Распутина, хранит в себе «стовековые тайны», является самобытной «кромешной глубиной» народной стихии, нашей историей и самой страной. Баяновская лирика – часть этих озерных вод, которые «недосягаемы извне», еще «не открыты, не оттаяны»...

В официальных данных сказано: «По последней переписи в деревне Дедюево 56 хозяйств на 160 человек. Фаза депрессии». А ведь в 1968 году в деревне было 113 хозяйств на 433 жителя, была своя начальная школа, магазин, зерновые склады, сушилка, фермы. Был совхозный сенокос – редкость для сельских жителей, но яркий показатель крепкого хозяйства,

основанного на взаимовыручке. Все это было... За деревней Дедюево когда-то существовала деревенька Ивановка. Когда дедюевские ходили на дальние покосы, то определяли месторасположение ушедшей деревни по ямкам, оставшимся от строений. Даже при самой страшной «фазе депрессии» у деревни Дедюево есть запас жизненных сил – это творчество Виктора Михайловича Баянова. Его творчество – оберег и память, источник любви и бессмертия малой родины, щедро подарившей нам большого поэта.